

НОВЫЯ КНИГИ

U N A M S A N C T A M.

М.-Ж. Конгар О. Р., *Chrétien désunis: Principes d'un Oecuménisme* catholique. Les Editions du «Cerf».

Впервые въ католическомъ мірѣ прозвучалъ, ясно и внятно, экуменическій голосъ, если не официальнаго Рима, то все же подлиннаго представителя Римской Церкви. Значительный и по содержанию и по объему (около 400 стр. съ приложениями) трудъ молодого доминиканца, редактора специальнаго журнала, **Revue des Sciences philosophiques et théologiques**), сразу привлекъ къ себѣ вниманіе широкихъ религіозныхъ круговъ. И вполнѣ заслужено. Мы, русскіе, православные, тѣмъ менѣе въ правѣ пройти мимо него, что авторъ съ просвѣтленной симпатіей склоняется къ христіанскому Востоку и чутко слѣдитъ за всѣми вѣяніями нашей духовной мысли. Вообще о. Конгаръ хочетъ все понять, пытается на все откликнуться, а вмѣстѣ дать исчерпывающій синтезъ родной ему традиціи.

Планъ книги, не всегда выдержанный, охватываетъ самыя разнообразныя стороны, ставшаго столь актуальнымъ вопроса. Первая часть, наиболѣе разработанная, послѣ краткаго обзора того, «что насъ раздѣляетъ», твердо опредѣляетъ принципіальную позицію Рима; вся она, какъ извѣстно, покоится на незыблемой идеѣ **единства** противъ **единенія**. Вторая часть изучаетъ инославныя исповѣданія въ ихъ современномъ аспектѣ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія **экклезіологіи**, вообще занимающей въ этой работѣ центральное мѣсто. Сюда же относится и живая, тонкая, во многомъ справедливая, критика **экуменическаго движенія**, особенно «лѣваго» (Лозанскаго) его крыла. Третья часть книги, наименѣе на нашъ взглядъ убѣдительная, но психологически весьма показательная, даетъ конкретную программу **соединенія** всѣхъ Церквей на лонѣ **Una Sancta**.

Самое цѣнное для читателя не столько то — **что** говоритъ авторъ, а **какъ** онъ это говоритъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь тонъ его, исключительно горячій и взволнованно искренній по отношенію къ «разлученнымъ братьямъ», и трогаетъ и подкупаетъ, заставляя на мгновение позабыть о всемъ, что въ глубинахъ, а не на поверхности только быта и дисциплины, насъ раздѣляетъ. Самъ о. Конгаръ большой оптимистъ; онъ увѣренъ, что «Унія» — въ настоящемъ смыслѣ этого сомнитель-

наго нынѣ слова — возможна и даже непременно осуществится, по крайней мѣрѣ, съ Православіемъ, догматически столь близкимъ къ Католицизму. Прежде, чѣмъ представить автору наши по этому поводу возраженія, отдадимъ должное его необычайно-свободному, безпристрастному, можно сказать, бережно-любовному подходу ко всѣмъ **chrétientés dissidentes**. Въ немъ не одно личное проявленіе **Caritas**: о. К. чувствуетъ сокровенную силу и благородный пафосъ, удалившихся отъ Рима и видитъ въ самыхъ ихъ противоположеніяхъ одностороннее преувеличеніе несомнѣнныхъ истинъ, удачно называемое имъ «l'exorbitation d'une vérité». Болѣе того, онъ готовъ признать, что сама римско-католическая Церковь, по существу непогрѣшимая, съ утратой отпавшихъ отъ нея конфессій — протестантизма, англиканства, и тѣмъ паче, Православія — дѣйствительно потеряла, наряду съ фактической цѣльностью, и нѣкоторыя духовныя цѣнности. Авторъ объясняетъ эту невольную ущербленность такъ: вынужденный въ спѣшномъ порядкѣ (Тридентскій соборъ и связанная съ нимъ постъреформаціонная эра) укрѣпить поколебленные позиціи, Римъ заострилъ свои тезисы, придавъ имъ слишкомъ абсолютную форму и въ сферѣ чисто-церковной незамѣтно съузилъ горизонтъ; словомъ, перегнулъ палку въ обратную отъ крайностей «ереси» сторону. Въ результатѣ нѣкое оскудѣніе, точнѣе «un rétrécissement des perspectives»*). Поэтому авторъ, который всегда борется съ открытымъ забраломъ, смѣло зоветъ Единоспасающую къ внутренней реформѣ, т. е. къ пересмотру собственной, какъ бы застывшей экклезиологии и возврату къ патристической концепціи Церкви, прежде всего, какъ сакраментальной реальности, какъ **Corpus mysticum**. Совершенно очевидно, что это важный шагъ впередъ, или назадъ къ истокамъ.

Однако, о. К., членъ строго-ортодоксальнаго ордена, энергично отстаиваетъ классическую латинскую доктрину **Ecclesia ex hominibus**; иначе говоря, полную аналогію — любимый терминъ томистовъ — тѣла **Eglise militante**, съ типомъ свѣтскихъ социальныхъ организмовъ. Вотъ, гдѣ начинается наше расхожденіе.

Православное сознаніе, пусть и ослабленное прагматически, отказывается строить церковь, теофанію Духа, на тѣхъ же основахъ, какъ любое общество «отъ мірскаго». Здѣсь нѣтъ никакого докетизма, нѣтъ гнушенія тварнымъ сосудомъ, воспріявшимъ Откровеніе: противъ такого толкованія возстаетъ вселенское ученіе о Воплощеніи, краеугольный камень восточной христо-и-пневмо-тологіи. Здѣсь только молчаливое утвержденіе - подтвержденіе той правды, что церковь видимая есть вмѣстѣ и предчаяніе, и возвѣщеніе невидимой; слѣдовательно, она остается и во-время частицей **инобытія**, а не институціей, подлежащей давленію юридическихъ нормъ и авторитарной регламентаціи. Отсюда безусловно вытекаютъ для нея немалыя внѣшнія трудности, немалые изъяны въ конкретной жизни, равно какъ и въ историческомъ бытіи. Не безъ основанія, напр., братья-католики (см. Конгаръ, стр., 256-7) упрекаютъ Православіе за то, что оно болѣе все-

*) Нельзя, однако, упускать изъ вида, что высказанное авторомъ сужденіе персонально и ни въ коемъ случаѣ не обязываетъ «власть имущихъ» измѣнить свои директивы. Объ этомъ недвусмысленно свидѣтельствуетъ рецензія на **Chrétiens désunis**, появившаяся въ **Revue Thomiale**, гдѣ схизматиковъ и еретиковъ предостерегаютъ отъ опасныхъ иллюзій...

го, конечно, въ Россіи — склонно отождествлять сущность свою съ его преходящими національными видами. За то внутри духъ не угашается и призваніе Церкви, въ идеальномъ ликѣ ея, никогда не забывается. Она не «обмірщается», точно также, какъ не рационализируется наша вѣрная святоотеческимъ завѣтамъ теогнозія: боговѣдѣніе и боговидѣніе истинно-православной «духовности».

Другая особенность Православія, нашедшая адекватное свое выраженіе въ русской соборности, это признаніе апостольской миссіи за всѣмъ «избраннымъ родомъ» (I Петръ, 2,9), а не за единой учительствующей іерархіей. Вольно включенные въ живое русло, православные христіане органически не могутъ принять посему того «régime de pédagogie, d'exercice d'autorité», который, даже по мнѣнію о. Конгара, является обязательнымъ и необходимымъ для достиженія высшей цѣли Экклесіи.

Оба эти различія кажутся намъ несравненно болѣе серьезными, чѣмъ тѣ «divergences doctrinales», на которыя указываетъ, сводя ихъ, впрочемъ, къ минимуму, авторъ *Chrétiens désunis* (см. стр. 355 и слѣд.). Спѣшимъ оговориться. Мы отнюдь не пренебрегаемъ, подобно «либеральнымъ» экуменистамъ, догматическими разногласіями, напротивъ того. Но въ данномъ случаѣ, послѣднія безусловно восходятъ для насъ къ древнимъ корнямъ, все къ той же изначальной антиноміи: съ одной стороны софійнаго христіанскаго Востока съ присущимъ ему чувствомъ божественной непознаваемости и тайны челоуѣческой свободы, съ его эсхатологической вѣрой въ грядущее преображеніе міра; съ другой, катафатически раціональнаго христіанскаго Запада, принявшаго землю, какъ таковую, и гдѣ проблема о тварной благодати ставится и разрѣшается въ свѣтѣ иной антропологии, той, которая — съ дней Блаж. Августина — сознательно преуменьшаетъ сіяніе «образа Божія» и въ первозданномъ, и въ падшемъ, но искупленномъ Адамѣ.

М. Лотъ-Бородина.

Denis de Rougemont. L'Amour et l'Occident. «Présences», Plon, Paris, 1939.

У ложа больной европейской цивилизаціи собираются врачи, ставятъ діагнозы и предлагаютъ методы леченія. Діагнозы различны, а средства леченія часто прямо противоположны. Дени де Ружмону принадлежитъ заслуга совершенно неожиданнаго опредѣленія болѣзни и очень своеобразной терапевтики: западная цивилизація погибаетъ, потому что она отравлена продуктами разложенія древняго мифа о любви-страсти. Современный европеецъ дышетъ воздухомъ, зараженнымъ этими смертоносными микробами: литература, музыка, театръ, кинематографъ, спортъ поддерживаютъ въ немъ мечту о любви-страсти, объ «опасной и патетической жизни», о «чудесномъ приключеніи», которое преобразитъ все его существованіе. Авторъ ставитъ себѣ задачу описать любовь-страсть, какъ историческій феноменъ религіознаго происхожденія. Придерживаясь моднаго въ наше время противопоставленія языческаго эроса христіанской «агапэ», онъ опредѣляетъ любовь-страсть, какъ поэтическій мифъ, владѣющій нашими душами помимо нашей воли и выражающій въ тайныхъ и темныхъ символахъ страшную истину: **любовь-страсть есть любовь къ смерти.**

Катастрофическое положеніе современной Европы — кризисъ